

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОМ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЛЕКСИКИ КАЗАЧЬИХ ПЕСЕН

С.В. Супряга

*Кандидат филологических наук
доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования
e-mail: supriaga@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье ставится проблема лексикологического и хронологического изучения лексики фольклорных текстов на примере уральских казачьих песен, записанных в разное время разными собирателями. Приводится библиографическое описание имеющихся на сегодняшний день авторитетных сборников песен казаков разных регионов бытования. Анализируются результаты, полученные при наложении словарей, составленных на основе нескольких мегатекстов, с целью выявления их лексического своеобразия. Сопоставляются контексты ключевого слова казак и производных от него в лирических песнях разных регионов бытования.

Ключевые слова: *фольклор, песни казаков, лексика, мегатекст, словарь, частотный словарь, лексикологический и хронологический анализ.*

К настоящему времени имеется целый ряд публикаций, посвященных изучению фольклора казачества, записанного в самых разных регионах России и за ее пределами [Азбелев 1998, 1999; Ануфриев 1995; Багизбаева 1983; Бондарь 1994; Бородина 2004; Гнеденко, Гнеденко 1993; Жигунова, Золотова 2008; Ивонин, Колупаев 2003; Князева 1997; Коротин 1995, Левашов 1975; Матвеев 2000; Щербанов 1977, 1980, 1990 и др.], организуются полевые исследования [Абдуллина 1985; Белецкая 1985; Ванин 1995; Дмитриев 1983, 1995; Коротин 1985, 1995; Реммлер 1990 и др.], издаются сборники статей [Гузикова, Коротин 1983 и др.]).

К примеру, подробный историографический обзор песенного искусства донских казаков можно найти в альманахе «Русская традиционная культура» в публикации И.Н. Ивановой «Любимые казачьи песни и романсы. Народные песни Донских казаков Волгоградской области» [Иванова 1998].

Немало существует на сегодняшний день и авторитетных изданий текстов песен таких групп русскоязычного населения. Отметим, что запись казачьих песен началась еще в конце XIX века.

Представим наиболее известные из таких собраний фольклорных произведений: «Сборник уральских казачьих песен (собрал и издал Н.Г. Мякушин) [Мякушин 1890], «Сборник солдатских, казацких и

матросских песен» (собрал Н.Х. Вессель) [Вессель 1894], «Донские казачьи песни» (опубликованы А. Пивоваровым) [Пивоваров 1895], «Песни кубанских казаков» (подготовил к изданию А.Д. Бигдай) [Бигдай 1896–1897]; «Песни уральских казаков» (записи Александра и Владимира ых) [Железновы 1899], «Песни Оренбургских казаков» (собрал сотник А.И. Мякутин) [Мякутин 1904, 1905]; «Песни гребенских казаков» (публикация Б.Н. Путилова) [Путилов 1946]; «Песни донских казаков» [Листопадов 1949–1953]; «Фольклор казаков Сибири» [Элиасов 1969]; «Песни донских казаков, напетые А.И. Каргальским» (записали и составили А. Мехнецов и В. Бахтин) [Мехнецов 1979], «Фольклор семиреченских казаков» [Багизбаева 1977–1979]; «Песни над Доном» (составитель И.Л. Рокачев-Вешенский) [Рокачев-Вешенский 1980], «Песни донских казаков» (составитель Б. Екимов) [Екимов 1982].

Среди публикаций последних лет следует отметить сборник «Песни уральских казаков» (запись, нотирование, составление Т.И. Калужниковой) [Калужникова 1998]; антологию «Устное народное творчество уральских (яицких) казаков» [Коротин, Коротин 1999] (см. также: [Коротин 1982, 1995] и др.); книгу для взрослых и детей «Голоса Хопра», посвященную фольклору хоперского казачества (здесь представлены колыбельные, свадебные, календарные, исторические, игровые песни, сказки, описание игр) [Гилярова 2001], а также своды песен: «Поет кубанский казачий хор» [Захарченко 2002]; «Казачьи песни Кемеровской области» [Бородина 2002]; «Казачьи песни» (охватывают период с середины XVIII и до начала XX столетия, включая песни русско-японской и первой мировой войны) [Бирюков 2004]; «Песни алтайских казаков» [Щуров 2010]; «За Уралом, братцы, за рекой» (народные песни и наигрыши оренбургских казаков) [Савельева 2009] и др.

При изучении фольклорных материалов, записанных у казаков, необходимо учитывать их особый статус в государстве, принадлежность той или иной конфессии (например, некрасовцы), специфику иноязычного окружения (как правило, они заселяли пограничные территории), а также «эволюцию» языка фольклорных текстов.

Мы предположили, что наложение словников уральских казачьих текстов, опубликованных в XIX веке, на записи, сделанные в XX веке, позволит выявить так называемые «хронологические изменения», зафиксировать «эволюцию» языка традиционных текстов.

Для сопоставления мы выбрали песни уральских казаков из двух изданий XIX века: «Сборник уральских казачьих песен» [Мякушин 1890] (он включает 13 разбойничьих, 50 исторических, 33 военные, 16 «удалых», 27 бытовых песен уральских казаков, 13 текстов других казачьих войск) и «Песни уральских казаков» [Железновы 1899] (содержит 12 разбойничьих песен, 23 исторические и 61 бытовую), а также из одного – конца XX века:

«Песни уральских казаков» [Калужникова 1998] (включает 31 песню «внешнего быта» (лирические, лиро-эпические, исторические, военно-бытовые и др.) и 46 – «внешнего быта» (былинные, свадебные, плясовые, беседные, баллады и др.).

Прежде чем сопоставлять тексты, записанные собирателями и опубликованные с интервалом в целое столетие, сначала необходимо выяснить качественный состав сборников XIX века.

Обратимся к сведениям, указанным составителями данных сборников, поскольку они представляют для исследователей огромный интерес с исторической точки зрения. Так, Н.Г. Мякушин в конце своего издания приводит краткие сведения о начале Российского казачества [Мякушин 1890]; А. и В. Железновы предваряют публикацию статьей под названием «Несколько слов от собирателя». Кроме того, в книге даются примечания к песням. Т.И. Калужникова также пишет подробное предисловие к своему сборнику.

Публикация Н.Г. Мякушина представляет собой первое издание, содержащее свод уральских казачьих песен. Собиратель работал над ним пять лет и включил, помимо записанных им лично (без обработки и правки), примерно 30–40 текстов из «Сборника песен русского народа, изданного в 1839 г., «Отечественных записок» 1848 г., «Русского вестника» 1858 г., «Морского сборника» 1859 г., «Библиотеки для чтения» 1860 и 1861 гг., «Полного собрания сочинений В. Даля 1861 г., «Статистического описания Уральского казачьего войска» Рябинина 1866 г., «Русского архива» 1879 г., «Сборника донских казачьих песен» 1885 г., «Сборника для чтения в форпостных школах уральского казачьего войска», изданного в 1862 и 1866 гг. и в книге «Иканский бой» М.П. Хорошина, увидевшей свет в 1884 г. [Мякушин 1890].

Тексты сборника Н.Г. Мякушина относятся к событиям XVI–XIX вв. и хронологически в соответствии с ними размещены в сборнике, который имеет шесть разделов: 1) героически-легендарные; 2) разбойничьи; 3) исторические; 4) военные; 5) удалые (припевки); 6) относящиеся к мирной, внутренней жизни.

Кроме того, в издании размещены стихи, касающиеся уральского казачества, многие из которых могут распеваться, как песни, и несколько песен других казачьих войск (бывшего Запорожского (3 текста), Донского (2), Терского (2), Кубанского (1), Оренбургского (2), Сибирского (1) и Забайкальского (1)), помещенных в сборник для сравнения.

Некоторые песни представлены в нескольких вариантах. В примечании к сборнику есть сведения «о начале русского казачества, о времени образования всех казачьих войск и перечень служб Уральского казачьего войска» [Мякушин 1890] со времени его образования и вплоть до времени публикации сборника.

Песни уральских казаков в записях Александра и Владимира Железновых также даны без изменений и правок. Составители сборника указывают на то, что «ближайшими соседями уральских (прежде – яицких) казаков были татары, остатки Золотой Орды (XVI в.), киргизы и калмыки (XVII и XVIII вв.). Бесперывные походы в глубь Азии (в Хиву и Бухару), на Кавказ и во все почти государства Западной Европы «не могли не оказать некоторое влияние на песню в смысле чистоты ее, так сказать, «великороссийскости» песни», отмечают авторы книги. Старообрядчество же способствовало «обособлению» от других поселенцев в войске и ближних соседей: киргизов, татар и калмыков» [Железновы 1899]; оно повлияло и на манеру петь. (Это весьма ценные замечания для исследователей русского фольклора с точки зрения влияния на него иноязычного и инокультурного окружения).

В сборник Железновых вошли как старинные тексты, так и те, которым на момент публикации сборника было не более 50–60 лет (в конце каждой песни имеется ее паспортизация).

Авторы подчеркивают, что все тексты сборника публикуются впервые, однако в примечаниях Александр и Владимир Железновы указывают на то, что некоторые песни они «позаимствовали» у Н.Г. Мякушина.

Итак, сборники уральских казачьих песен в записях конца позапрошлого века имеют некоторое своеобразие, но в целом взаимно дополняют друг друга. С целью выяснения исторических изменений в структуре лексики этих текстов мы считаем возможным объединить их в один мегатекст и составить по ним единый словник и частотный словарь.

Для сопоставления, как уже было отмечено выше, был выбран сборник конца XX века, подготовленный Т.И. Калужниковой [Калужникова 1998]. По замечанию автора публикации, «он составлен в основном по материалам фольклорных экспедиций Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского 1981–1985 годов в Приуральский, Зеленковский и Чапаевский районы Уральской области – бывшие земли Уральского казачьего войска, расположенные в зоне среднего течения реки Урал. Кроме того, в книгу вошли 24 песни из личного архива журналиста Б.Б. Пышкина, записанные им в разных районах Уральской области в 1950–70-х годах» [Калужникова 1998].

Так же, как и в сборниках XIX века, в книге Т.И. Калужниковой сохранены диалектные особенности речи уральских казаков, что немаловажно для исторического и этимологического анализа лексики песен. Автор приводит в этом издании свои комментарии, указатель песенных зачинов, а также указатель основных источников, содержащих варианты публикуемых напевов.

В ходе проведенного сопоставления лексики казачьих песен трех указанных сборников путем аппликации словников, составленных с

помощью программы автоматизированного составления и обработки словников NewSlov (авторы-разработчики М.В. Литус и Е.В. Литус), выяснилось, что во всех корпусах текстов в целом прослеживается единообразие количественных параметров (эти показатели лишь немного отличаются из-за значительной разницы в объемах выборки); налицо также схожий состав ядерной лексики, ее частеречное соответствие, примерно одинаков набор лексем в кластерах, близки лексикографические портреты выбранных для анализа слов.

Однако отмечается и некоторое своеобразие на уровне лексики, зафиксированной только в одном из сопоставляемых словников, что может свидетельствовать о том, что с течением времени песенная традиция казаков приобрела новые черты под влиянием изменившихся исторических и бытовых условий, а также с появлением в жизни казаков новых реалий.

Чтобы выяснить качественное своеобразие песенной традиции казаков относительно текстов традиционного фольклора, записанного на его исконной территории, мы сопоставили имеющиеся в распоряжении Курской школы лингвофольклористики словники общероссийского инварианта русских песен Севера и Юга России (составленные И.С. Климас [Климас 1998] и Н.И. Моргуновой [Моргунова 1995] и др.) и словник, созданный нами по всем имеющимся в нашем распоряжении сборникам уральских песен (разных лет издания).

В результате мы получили возможность выявить лексику, характерную только для анализируемых корпусов текстов – уральских казачьих песен.

Значительный процент в получившемся списке уникальных для казачьих песен лексем составила единичная в употреблении лексика, среди которой большой объем занимают диалектизмы и незначительный – заимствованная лексика и так называемые «темные слова».

Особый интерес для исследователя представляют попавшие в перечень «уникальных» слов топонимы, историзмы и антропонимы, поскольку именно они наилучшим образом отражают специфику сюжетики казачьих песен того времени и того региона, когда и где они были записаны собирателями.

Необходимо сказать о том, что сравнение состава тематических кластеров, отдельных концептов и «лексикографических портретов» частотных слов – их словарных статей – также дает возможность произвести интересные наблюдения и позволяет сделать обоснованные выводы.

Эта методика применяется курскими исследователями для сопоставления фольклорной лексики уже на протяжении целого ряда лет и вполне доказала свою состоятельность [Хроленко 1992, 2003; Хроленко, Климас, Моргунова 1994; Бобунова, Хроленко 2000;

Кляус, Супряга 2006; Бобунова, Климас 2019; Супряга 2001, 2019₁, 2019₂ и др.].

Рассмотрим, к примеру, ключевое слово для казачьих песен – лексему *казак* и производные от нее, понаблюдаем за синтагматикой этого слова.

Вначале выясним, какими атрибутивными связями обладает лексема *казак* в песнях уральских казаков (в конкордансе, составленном по сборнику Н.Г. Мякушина [Мякушин 1890]), и в песнях юга и севера России, включённых в «Конкорданс русской народной песни» [Бобунова, Хроленко 2007–2010]; (с привлечением словника курских народных песен) [Моргунова 1995].

Казак в уральских казачьих текстах может быть *старым* (№2), *молодым* (№5), *уральским* (№5, 7), *калмыковским* (№14), *кровным* («войско кровныхъ казаковъ») (№ 7) в бытовых песнях и *удалым* (№ 10), *часовым* (№ 11) – в разбойничьих. Упоминается в бытовых песнях и «*Джаикъ-казакъ*» (№7, с. 189), которого боится *кайсак* (имеется в виду этноним *киргиз-кайсак*, носитель киргиз-кайсацкого языка. Гидроним *Джаик* – татарское название реки *Яик* (до 1775 г. так называлась река *Урал*). Онимы *казак* и *казаченьки* используются в уральских песнях в одном контексте с лексемами *братцы* (№ 12), *друзи* (№13) – в бытовых; *друзи*, *казаки-друзи* (№ 6, 8), *добры молодцы* (№9) – в разбойничьих. Как контекстуальные синонимы к лексеме *казаки* в песне № 26 встречаем целый ряд однородных членов: *старики*, *братцы*, *уральцы* [Мякушин 1890: 196].

В одной из разбойничьих песен в этом сборнике находим такие строки: «*Казаки, люди вольные, Донские, гребенские со яицкими...*», «*донские, гребенские казаки*» (№3), «*Какъ крикнетъ Ёрмакъ Донскимъ казакамъ, Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яиковскимъ...*» (№4), «*Собирались казаки, охотники Донские, Гребенские и Яицкие, Въ кругу...*» (№7). Подобный перечислительный ряд зафиксирован нами и в песнях №№ 1, 3, 5, 8 данного раздела сборника Н.Г. Мякушина.

Требует небольшого пояснения лексема *гребенские*: это «одна из старейших казацких общин, возникшая в середине XVI в. в предгорьях Кавказа» [Большая российская энциклопедия <http>].

В текстах под № 3, 5, 7 из раздела «Разбойничьи песни» анализируемая лексема упоминается с антропонимом – именем собственным: «*Да меня, Ермака-казака, Вы послушайте*» [Мякушин 1890: 24].

Во многих уральских песнях *Ермак* упоминается как *атаманушка* казаков «*По имени Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ*» (№ 3, 6, 7, 8). Интересно, что в песнях № 9, 10, 11 из указанного раздела уже атаманом выступает не Ермак, а Степан Разин: «*На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ, Степанушка Тимофеевичъ по прозванью Разинъ*

сынъ»; «Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки, Меня, Степанушку, сына Тимофеевича, Разина» [Мякушин 1890: 39–41].

Отметим, что упоминаются в бытовых уральских песнях не только казаки, но и казачки. Так, в песне № 10 в разделе №6 «Бытовые песни» из сборника Н.Г. Мякушина под названием «Казачка», которая следует сразу после текста с заголовком «Казак» (№9), читаем: «Черноокая казачка, дева нежной красоты» [Мякушин 1890: 192].

Исторические и военные уральские казачьи песни мы не считаем целесообразным сопоставлять с лирическими песнями севера и юга России, так как они имеют иную жанровую специфику.

Итак, в конкордансе, составленном по песням Архангельской губернии, лексема *казак* отмечена в двух словоупотреблениях в следующих контекстах: «Вдоль было по травке, вдоль по муравке Донской казак гуляет...»; «Ты, Иванушка казак, Вставай завтракати...», и еще два словоупотребления имеет существительное *казаченька*: «Там девица гуляла, Малинушку ломала, В пучечки вязала, В казаченька бросала»; «Казаченька, душа-радость, дружок мой!» [Бобунова, Хроленко 2008: 107].

В конкордансе песен Олонецкой губернии существительное *казак* зафиксировано четыре раза в двух песнях в одном и том же контексте: «Теплых день дождусь, – в казаки наймусь, В казаки наймусь, – три рубля возьму...» [Бобунова, Хроленко 2009: 67].

Как видим, в обоих конкордансах лексема *казак* лишена эпитетов и контекстных синонимов, хотя в казачьих песнях мы могли наблюдать и то, и другое. *Казачка* в анализируемых корпусах текстов также не упоминается.

Песни Сибири демонстрируют более разнообразный контекст у анализируемой лексемы, которая здесь имеет 4 словоупотребления: «Казак шуток не примат»; «Калинушку ломала, Во казака бросала»; «Досталася моя милая иному, не мне, Иному, не мне, казаку свинья!»; «Молодой-то казак со квартирушки долой съезжает».

Упоминается в этом корпусе текстов и диминутив *казаченька* (два словоупотребления): «Со казаченькой гулять бы я пошла...»; «Все казаченьки сидят на лошадушках...» [Бобунова, Хроленко 2010: 58].

То есть из определений к слову *казак* мы видим только негативную и самокритичную характеристику лирического героя – *свинья*.

В песнях Сибири встречаются и производные лексемы от слова *казак* – прилагательные *казацкий* (1 словоупотребление): «Развеселая жизнь казацкая!» – и *казачий* (1 словоупотребление): «Кыш, кыши, воробушки, Все казачьи головушки!»; а также собирательное существительное *казачья*: «Казачья вольная поздорову приехали...» [Бобунова, Хроленко 2010: 58].

Обратимся к песням юга России. Так, в текстах, записанных на территории Курской губернии, лексема *казак* упоминается 8 раз в

следующих контекстах: «На встречу мне казак молоденький»; «Вспрошу, спрошу казака молодого...»; «Казак скачет, казак пляшет, Казак песенки поет, Казак песню поет, Себе честь воздает»; «Я сама пришла С донским казаком»; «Во городе случилась беда: Там убили молодого казака...» – и один раз используется диминутив *казаченька*: «Ой, топтал казаченька, Молодой бурлаченька...» [Бобунова, Хроленко 2007: 86].

Как видим, с южными (в частности курскими) песнями у уральских песен больше общего в использовании лексемы *казак*: здесь она согласуется с эпитетом *молодой / молоденький*, с прилагательным *донской*, а также имеет контекстный синоним *бурлаченька*, хотя в уральских песнях мы зафиксировали другие контекстные синонимы и изофункциональные слова.

Проанализируем теперь предикативные и смысловые связи лексемы *казак* в тех же корпусах текстов. В северных песнях казак *гуляет*, его побуждают «*вставать завтракать*», в него *бросают* «пучечки», к нему просто обращаются: «*Казаченька, душа-радость, дружок мой!*» в архангельских текстах [Бобунова, Хроленко 2008: 107], в олонечских лирический герой *нанимается в казаки* [Бобунова, Хроленко 2009: 67], в сибирских он «*шуток не примат*», здесь также в него девушка бросает веточки, только не малины, а *калинушки*; его *милая* достается иному, не ему; он «со квартирушки ... *соезжает*», со *казаченькой* девушка идет гулять, *казаченьки* «*сидят на лошадушках...*», *казачья* «*поздорову*» приезжают [Бобунова, Хроленко 2010: 58].

В курских песнях *казак* навстречу идет, у него спрашивают, он скачет, пляшет, песни поет, «себе честь воздает», девушка с ним приходит, наконец, с ним случается беда: его убивают [Бобунова, Хроленко 2007: 86].

В уральских песнях *казак* совершает совершенно иные действия: он «*поклонялся ... отцу-матери*», «*распрощался со квартирушкой*», прощается, расстается с женою, обнимает отца. Войско казаков «*поживает тихо, мирно*», про них «*знают очень мало*», они «*свой ум имеют*», «*горсть уральских казаков*» «*не видна, как капля в море*». Казаки «*в поход пошли*», «*в схватках гибли*», об их «*деяниях*» «*нигде не пишут*». Молодого казака «*настигают ... пашки, чеканы*», казак сразится с врагом, он едет далеко, на чужбину, скачет через долины, степь виднеется его очам, он мчится к родному очагу; просит, молит; он молча прилег. Казачка ждет, когда казак к ней «*прилетит*». За горами его кости лежат... [Мякушин 1890].

Таковы действия казака в бытовых казачьих песнях Урала. Рассмотрим, какие поступки совершает он в разбойничьих песнях из сборника Н.Г. Мякушина.

Казачья жизнь здесь живая, гуляющая, «стрелой каленой за реку пускают». У них есть атаман, который просит их «собраться во единый круг», послушать, да «думушку попридумать». Он кричит им, обращаясь с призывом «садиться во лодочки-коломенки», беречь город Казань, гнать из него бусурман, становить караулы крепкие. Казаки «собираются, соезжаются», роют глубокий ров, берут город, в него врываются. Плен им не надобен, их ждет судьба быть половленными, «по темным темницам порассаженными», они «поиспужались, по темным лесам поразбежались». Казак стоит часовым; наконец, «казаки – не простаки, все живут богато, темны ноченьки не спят, в поле разъезжают: все добычу стерегут, свишут, не зевают» ... [Мякушин 1890].

Итак, можно сделать вывод о том, что сюжетика казачьих песен и даже их жанровое своеобразие во многом определяют лексический состав словарей анализируемых мегатекстов. По сравнению с лирическими песнями юга и севера России здесь представлено больше бытовых ситуаций с участием казаков, даже упоминается в нескольких текстах казачка, что вполне понятно.

Хотя курские песни, в силу территориальной близости к границе, несколько ближе по контекстам к проанализированным уральским казачьим песням, возможно, анализ песен донского и кубанского казачества выявит еще большее сходство, поскольку тут может сыграть свою роль регион бытования фольклорной традиции. Нам еще предстоит это выяснить.

Как уже отмечалось выше, интересным материалом для сопоставления являются песни казаков, записанные с интервалом в столетие.

Проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что словники, составленные по песням уральских казаков из сборников конца XIX века [Мякушин 1890; Железновы 1899] и по публикации конца XX века [Калужникова 1998], имеют как черты очевидного сходства, так и определённые различия.

С целью выявления этой специфической лексики представляется необходимым принимать во внимание при сравнении контекстов жанровые особенности этих текстов: песни, отнесенные собирателями XIX века к историческим, накладывать на исторические, согласно классификации составителей сборника, изданного в XX веке. Это, как нам представляется, даст более четкую картину тех изменений, которые произошли в традиционном казачьем фольклоре за вековой отрезок времени.

Подробный лексикологический (и в частности этимологический) и хронологический анализ «уникальной» лексики песен уральских казаков, впрочем, как и донских, кубанских, семиреченских, оренбургских, хоперских, гребенских, а также казаков Сибири и др. территорий, нам еще предстоит осуществить.

Смеем предположить, что такое исследование позволит нам выявить на лексическом уровне исторические изменения, произошедшие в традиционных фольклорных текстах, то есть зафиксировать так называемую «эволюцию» их языка.

Библиографический список

Абдуллина А.Б. Песенное творчество семиреченских казаков // Русский фольклор. Т. XXIII: Полевые исследования. Л.: Наука, 1985. С. 67–71.

Азбелев С.Н. Из ранней истории казачества // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию В.А. Мошина (1894–1987). СПб.: Наука, 1998. С. 430–437.

Азбелев С.Н. Ранний фольклор о Ермаке Тимофеевиче и его предшественниках-казаках в соотношении с письменными историческими источниками // Русский фольклор. XXX: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. С. 101.

Ануфриев А.В. История Сибирского казачества. Иркутск, 1995. 15 с.

Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.09 Алма-Ата, 1983. 407 с.

Багизбаева М.М. Фольклор семиреченских казаков: В 2-х ч. Алма-Ата, 1977–1979. Ч. 1–2.

Багизбаева М.М. Фольклор Семиречья // Русский фольклор. Т. XXIII: Полевые исследования. Л.: Наука, 1985. С. 57–66.

Белецкая Е. М. Собираание казачьего фольклора в Чечено-Ингушетии // Русский фольклор. Т. XXIII: Полевые исследования. Л.: Наука, 1985. С. 72–75.

Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Вып. 1–3, 5–7: Пісні чорноморські 1896–1897; Вып. 4: Пісні линейські 1896; Вып. 8: Песни линейских и терских козаков 1897.

Бирюков Ю.Е. Казачьи песни. М: Современная музыка, 2004. 311 с.

Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былинных текстов. Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000. 112 с.

Бобунова М.А., Климас И.С. Концепт «СТАРЫЙ» в русском эпосе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17–28. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240 (дата обращения: 24.04.2021).

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 1: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 257 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 2: Песни Архангельской губернии. Курск: КГУ, 2008. 315 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 3: Песни Олонецкой губернии. Курск: КГУ, 2009. 187 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 4: Песни Сибири. Курск: КГУ, 2010. 174 с.

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2377048 (дата обращения: 27.06.21).

Бондарь Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – первая половина XX вв.) // Традиционная культура и дети. Краснодар: Изд-во Краснодар. эксперимент. центра развития образования, 1994. С. 17–21.

Бородина – Казачьи песни Кемеровской области / Е.М. Бородина. Кемерово: КемГАКИ, 2002. 72 с.

Бородина Е.М. Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Кемерово, 2004. 225 с.

Ванин А. А. О собирании и изучении южно-русских (казачьих) былин и былинных песен: Итоги и перспективы // Русский фольклор. Т. XXVIII: Эпические традиции: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1995. С. 111–115.

Вессель – Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Собр. Н.Х. Вессель, Е.К. Альбрехт. Вып. 1. 100 песен. СПб., 1894. 210 с.

Гилярова Н.Н. Голоса Хопра: Книга для взрослых и детей: учебное пособие, сборник народных песен. М.: «Научтехлитиздат». 2001. 98 с.

Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя, или все о казачестве. М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 272 с.

Гузикова О.Б., Коротин Е.И. Реконструированный свадебный обряд уральских казаков // Фольклор Урала. Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60 – 80-х годов): межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1983. 137 с.

Дмитриев В.В. Уральские казаки Амударьинского отдела и их песни // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении: Сб. науч. тр. Вып. 6. М., 1995. С. 111–116.

Дмитриев В.В. Фольклор Урала. Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60–80-х годов): межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1983. С.113–114.

Екимов – Песни донских казаков / Б. Екимов. Волгоград, 1982. 245 с.

Железновы – Песни уральских казаков / запис. Александр и Владимир Железновы. СПб.: В Тип. Г.Г. Шклявера, 1899. 124 с.

Жигунова М.А., Золотова Т.Н. Шестая Международная конференция «Русский вопрос: история и современность» // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 2. С. 153–156.

Захарченко В.Г. Поет кубанский казачий хор. Краснодар Изд-во «ЭДВИ», 2002. 319 с.

Иванова И.Н. Любимые казачьи песни и романсы. Народные песни Донских казаков Волгоградской области // Русская традиционная культура:

альманах. Вып. 2: Казачьи песни / ред. Н.Н. Шантаренков. М.: Б.И., 1998. С. 45–51.

Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII–XIX столетиях: Исторические очерки. Барнаул Изд-во АГИИК, 2003. 155 с.

Калужникова – Песни уральских казаков / Т.И. Калужникова. Екатеринбург: Сфера, 1998. 236 с.

Климас И.С. Словник и частотный словарь северных песен из собрания А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» // Фольклорная лексикография. Курск, 1998. Вып.10. С. 41–72.

Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во РОСИ, 2006. 213 с.

Князева И.Н. Свадебный обряд в фольклоре казаков Иртышской линии // Народная культура Сибири и Дальнего Востока: Материалы VI науч.-практического семинара Сибир. регион. вузов. центра по фольклору. Новосиб., 1997. С. 192–196.

Коротин Е. И. Итоги собирания фольклора яицких казаков (1960–1978) // Русский фольклор. Т. XXIII: Полевые исследования. Л., 1985. С. 19–25.

Коротин Е.И. Фольклор уральской казачьей метрополии в Казахстане и казачьей диаспоры в Средней Азии // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении: сб. науч. тр. Вып. 6. М., 1995. С. 99–110.

Коротин Е.И. Фольклор яицких казаков: песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата: Жазушы, 1982. 222 с.

Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное народное творчество уральских (яицких) казаков: антология: в 2-х ч. Часть 1: Песенное творчество. Ч. 2: Свадебный обряд. Сказки. Самара; Уральск, 1999.

Левашов В.С. Влияние рабочей поэзии на песни забайкальских казаков // Русский фольклор. 1975. Вып. XV. С. 162–176.

Листопадов А.М. Песни донских казаков / Под ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1949. Т. 1, ч. 1. – 246 с.; 1950. Т. 2, ч. 2. – 477 с.; 1951. Т. 2. – 587 с.; 1952. Т. 3. – 285 с.; 1953. Т. 4. – 489 с.; 1953. Т. 5. – 360 с.

Матвеев О.В. Казачьи станицы Карачаево-Черкесии: К оценке современной этнополитической ситуации // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 124–126.

Мехнецов – Песни донских казаков, напетые А.И. Каргальским / сост. А. Мехнецов и В. Бахтин. Л.: Советский композитор, 1979. 72 с.

Моргунова Н. И. Словник и частотный словарь курских песен // Фольклорная лексикография. Вып. 3. Курск, 1995. С. 14–48.

Мякутин – Песни Оренбургских казаков. Ч. 1: песни исторические / собрал сотник А.И. Мякутин. Оренбург, 1904. 294 с. Ч. 2.: Песни былевые. Оренбург, 1905. 162 с.

Мякушин – Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб. Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

Пивоваров – Донские казачьи песни / собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск: Тип. Донской Газеты, 1885. 146 с.

Путилов Б.Н. Песни гребенских казаков / Б.Н. Путилов. Грозный: госиздат, 1946. 314 с.

Реммлер В.В. Свадебная обрядность сибирских казаков (по материалам Горькой линии) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск; 1990. С. 28–40.

Рокачев-Вешенский – Песни над Доном / сост. И.Я. Рокачев-Вешенский; авт. предисл., науч. ред. Б.Н. Путилов. Ростов н/Д, 1980. 190 с.

Савельева Н.М. За Уралом, братцы, за рекой: народные песни и наигрыши Оренбургских казаков. Оренбург: «Димур», 2009. 264 с.

Супряга С.В. Заимствованные наименования напитков в русском фольклоре [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019₁. № 4 (35). С. 254–261. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3465/ (дата обращения: 24.05.2021).

Супряга С.В. Лексика русской лирической песни как поле межкультурных контактов: на материале текстов песен старообрядцев Восточного Полесья, Забайкалья («семейских») и Алтая («поляков»). Курск: Курск. гос. ун-т, 2019₂. 419 с.

Супряга С.В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 2001. 226 с.

Хроленко А.Т. Кластерный анализ в лингвокультуроведческих исследованиях // Концептосфера «Небо»: Опыт кластерного анализа. Курск, 2003. С. 3–7.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. 137 с.

Хроленко А.Т., Климас И.С., Моргунова Н.И. Сопоставление словарных статей как эвристический прием лексикологического исследования // Фольклорное слово в лексикографическом аспекте. Вып. 1. Курск, 1994. С. 7–11.

Щербанов Н.М. Легендарно-мифологические повествования уральских казаков и действительность // Фольклор Урала. Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. С. 94–104.

Щербанов Н.М. Песенный фольклор уральских казаков в записях И.И. Железнова // Фольклор Урала. Народно-песенное творчество. Свердловск, 1977. С. 62–80.

Щербанов Н.М. Уральские былины в записях Н.М. Малечи // Из истории русской фольклористики. Л.:Наука, 1990. Вып. 3. С. 219–223.

Щуров В.М. Песни алтайских казаков. Барнаул, 2010. 100 с.

Элиасов – Фольклор казаков Сибири: Сб. / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский; под ред. Л.Е. Элиасова. Улан Удэ, 1969. 363 с.